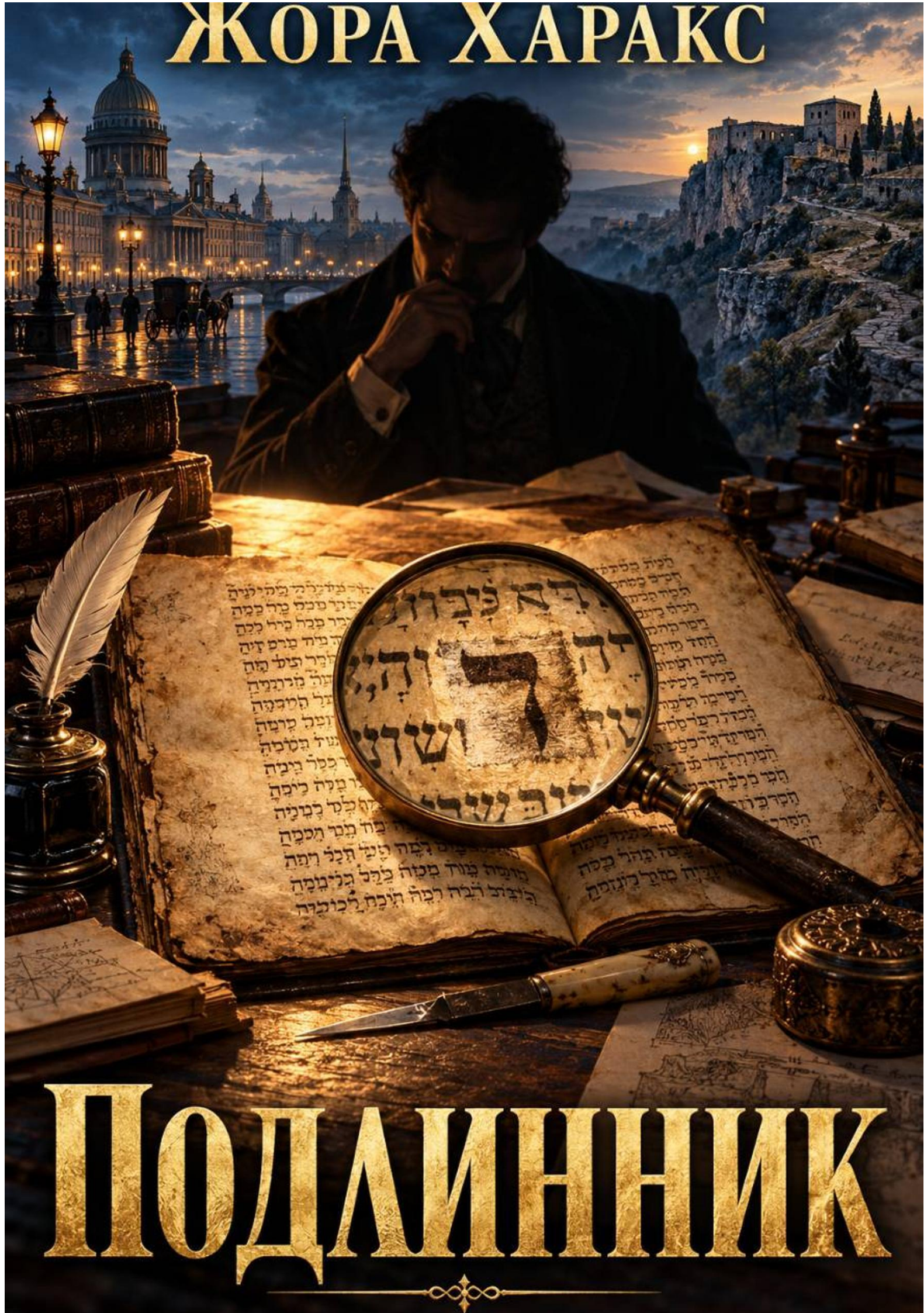

ЖОРА ХАРАКС

ПОДЛИННИК

ЖОРА ХАРАКС

Подлинник

«Автор»

2026

ХАРАКС Ж.

Подлинник / Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026

****1875 год. Петербург.**** Учёный Авраам Гаркави обнаруживает в древней рукописи почти незаметную правку. Изменена всего одна буква — и документ становится старше почти на двести лет. Пергамент подлинный. Текст древний. Но дата лжёт. Открытие грозит разрушить репутацию знаменитого собирателя рукописей Авраама Фирковича и вызвать скандал государственного масштаба. Когда неизвестные начинают охоту за записями Гаркави, расследование приводит его и чиновника Набокова из Петербурга в загадочный Чуфут-Кале. Здесь каждый камень хранит память, каждый документ может оказаться ловушкой, а любовь к женщине, защищающей прошлое своей семьи, становится опаснее служебного долга. ****Кто переписал историю — и какую тайну пытался спасти? **** Чтобы раскрыть подлог, придётся установить не только то, что было подделано, но и то, что любой ценой должно было остаться подлинным.

© ХАРАКС Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	67

ЖОРА ХАРАКС

Подлинник

Глава

ПРОЛОГ

КАМЕНЬ СОЛОМОНА

Говорили, что первый камень принесли в Крым из Иерусалима.

Соломон Бобович знал три версии.

По первой, камень был вынут из стены Храма ещё до того, как римляне разрушили Иерусалим. Его вынес человек, имя которого забыли, потому что спасать святыни обычно поручают тем, чьи имена история потом считает необязательными.

По второй, камень попал в Крым гораздо позже — через Константинополь, купцов и несколько поколений людей, каждый из которых добавлял к рассказу одну подробность и терял две.

По третьей, никакого иерусалимского камня не было.

Был обычный известняк.

Кто-то поднял его на дороге, сказал детям, что камень видел Храм Соломона, дети запомнили, дети состарились, их дети рассказали своим, и через сто лет спрашивать, откуда это известно, стало почти неприлично.

Эту версию Соломон любил больше остальных.

— Почему? — спросила Анна.

Ей было девять.

Она сидела на нагретом солнцем камне у стены Чуфут-Кале и злилась на ветер, который всё время лез под шляпку.

— Потому что похожа на жизнь.

— Значит, камень ненастоящий?

— Я этого не сказал.

— Тогда настоящий?

— И этого.

Анна нахмурилась.

— Ты специально?

— Конечно.

В детстве Соломон был для неё дядей, который знал всё.

Позже Анна поняла, что взрослые, знающие всё, делятся на две породы: лжецов и родственников.

Соломон относился ко второй и потому иногда позволял себе быть первой.

Он поднял с дороги небольшой серый камень с белой жилкой.

— Вот этот, например.

— Что?

— Может быть из Иерусалима.

Анна уставилась.

— Ты же его только что поднял.

— Именно. У нас уже есть первое достоверное свидетельство его происхождения.

Она рассмеялась.

Соломон положил камень ей на ладонь.

— Запомни три правила.

— Опять?

— На этот раз полезные.

— Прошлые тоже были полезные.

— Какие?

— Не есть персики над книгой.

— Вот видишь.

— И не говорить тёте Рахили, что её пирог похож на подошву.

— Это правило было особенно полезным.

Анна сжала камень.

— Хорошо. Первое?

— Если тебе говорят, что вещь принадлежала царю Соломону, сначала спроси: кому выгодно, чтобы она принадлежала царю Соломону.

— А если никому?

— Значит, плохо спросила.

— Второе?

— Если человек соврал, сначала пойми зачем. Потом решай, что делать с ложью.

— А если он просто любит врать?

— Это тоже зачем.

Она подумала.

— Третье?

Соломон помолчал.

— Не знаю.

Анна фыркнула.

— Очень полезно.

— Нет. Именно это и есть третье.

Она перестала улыбаться.

— Что?

— Умей говорить «не знаю». Особенно когда очень хочется сказать «знаю».

— А если все остальные знают?

— Тогда особенно.

— Почему?

— Потому что иногда все остальные знают одно и то же только потому, что первый человек говорил убедительно.

Анна посмотрела на камень.

— Он всё-таки из Иерусалима?

Соломон пожал плечами.

— Сегодня — из Кырк-Ера. Это установлено лучше.

В девять лет третье правило показалось ей самым глупым.

Через много лет оно станет самым дорогим.

Тогда Чуфут-Кале ещё не казался ей мёртвым городом.

Дети вообще плохо понимают мёртвые города.

Если между камнями растёт трава, над стеной летит птица, за дверью кто-то кашляет, а из двора пахнет хлебом, место живое.

Взрослые называют его мёртвым позже, когда узнают, сколько людей оттуда ушло.

Соломон водил её по узким улицам.

Показывал дома.

Кенассы.

Колодцы.

Развалины.

Старые стены, на которых одна эпоха стояла поверх другой и обе делали вид, что были первыми.

Говорил старое название:

Кырк-Ер.

— Сорок воинов, — сказал он.

— Почему сорок?

— В одной версии — сорок воинов.

— А в другой?

— Сорок родов.

— А в третьей?

— Сорок укреплений.

— А какая правильная?

— Ещё есть четвёртая.

Анна остановилась.

— Какая?

— Что люди забыли первоначальный смысл и потом объяснили старое название красивее, чем знали.

— Это у тебя всегда последняя версия.

— Потому что она самая экономная.

Они прошли через узкий проход между стенами. Ветер там менялся — переставал толкать в спину и начинал тянуть из камня, будто город втягивал воздух.

Анна слышала низкий звук.

Остановилась.

— Кто там?

Соломон тоже остановился.

Звук повторился.

Не голос.

Но достаточно похожий, чтобы ребёнок услышал голос первым, а объяснение — потом.

Соломон подошёл к стене.

Провёл ладонью.

Нашёл щель между камнями.

— Вот.

— Что?

— Ветер.

— Так звучит?

— Если дать ему хороший инструмент.

Он приложил к щели ладонь. Гул стал тише.

Убрал — вернулся.

Анна попробовала сама.

Получилось.

— Значит, никаких духов?

— Я этого не сказал.

Она возмутилась:

— Но ты же нашёл ветер.

— Нашёл один звук.

— А других?

— Другие надо искать отдельно.

Анна некоторое время смотрела на него.

— Ты вообще во что-нибудь веришь?

— Конечно.

— Во что?

— Что люди очень не любят пустых мест.

— Каких?

Соломон постучал пальцем ей по лбу.

— Здесь.

Она ударила его по руке.

Он засмеялся.

— Если в истории есть пустое место, человек обязательно чем-нибудь его заполнит. Богом. Предком. Царём. Предателем. Иногда датой.

Анна тогда ещё не знала, насколько опасным может быть последнее.

К кладбищу они пошли ближе к вечеру.

Соломон сначала не хотел.

Потом согласился.

Так взрослые создают тайну там, где дети до этого её не замечали.

Долина была прохладнее плато.

Старые дубы стояли между надгробиями. Их корни поднимали землю, камни наклонялись, на некоторых надписях буквы ещё держались чётко, на других уже растворялись в известняке.

— Почему Балта-Тиймез? — спросила Анна.

— В семье переводили: «топор не коснётся».

— Деревьев?

— Так говорили.

— Кто?

— Люди.

— Какие?

— Почти все уже умерли.

— А им кто сказал?

Соломон посмотрел.

— Ты испортишь любую легенду.

— Ты сам научил.

— Уже жалею.

Он рассказал, что дубы считали неприкосновенными.

Не стал верить, будто никто никогда не ломал ветку или не убирал упавшее дерево.

Соломон любил легенды, но не любил, когда им приписывали обязанности лесничего.

— То есть топор всё-таки касался?

— Наверняка.

— Тогда название неправильное.

— Почему?

— Если касался.

— А если смысл не в том, что никто никогда не нарушил запрет, а в том, что люди считали его важным?

Анна нахмурилась.

— Это нечестно.

— Что?

— Так можно спасти любую легенду.

— Поэтому легенда и живёт дольше протокола.

Он показал ей старые надгробия.

Рассказал, что на некоторых находили имена и даты, которыми доказывали такую древность караимов в Крыму, о какой спорили учёные.

Рассказал о предании, связывающем одно из погребений с Исааком Сангари — мудрецом, которого поздняя традиция соединяла с хазарской историей.

Анна слушала внимательнее.

— Он здесь похоронен?

— По преданию.

— А на самом деле?

— Не знаю.

Она укоризненно посмотрела.

— Опять.

— Видишь? Уже запомнила.

— А на камне написано?

— Говорят, читали.

— Ты видел?

— Камень видел.

— Надпись?

— Я не настолько учёный.

— Значит, кто-то другой прочитал.

— Именно.

— А если неправильно?

Соломон посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— Тогда одна неправильно прочитанная буква может прожить дольше человека.

Ветер прошёл по дубам.

Листья зашуршали.

Из глубины кладбища донёсся металлический звук.

Потом — что-то похожее на человеческий выдох.

Анна схватила Соломона за руку.

— Кто?

Он прислушался.

Снова.

Тихий звон.

Шорох.

Выдох.

Соломон пошёл между камнями.

Анна за ним.

Через десяток шагов нашли старую металлическую пластину на деревянном столбике. Ветер поворачивал её, край тёрся о гвоздь.

Соломон качнул.

Раздался тот же звук.

— Вот.

Анна отпустила его руку.

Ей стало немного стыдно.

— Я не испугалась.
— Конечно.
— Просто думала.
— Очень громко.
Он поправил пластину.
Шум исчез.
Они пошли обратно.
Через несколько шагов с другой стороны долины снова прошёл шорох.
Уже без железа.
Анна обернулась.
— А это?
Соломон тоже посмотрел.
— Ветер.
— Точно?
Он улыбнулся.
— Достаточно.
Не «точно».
Достаточно.
Она запомнила и это.

В семье Бобовичей прошлое жило плохо организованно.

Оно лежало в письмах, рассказах, серебряных коробках, торговых книгах, пожелтевших копиях прошений, чужих портретах и воспоминаниях стариков, которые начинались словами «я сам видел», а через четверть часа выяснялось, что видел дед.

Некоторые письма хранили в шкатулке, ключ от которой был потерян ещё при жизни человека, закрывшего замок.

Другие, наоборот, лежали под рукой так долго, что никто не помнил, откуда взялись.

На одном конверте было три даты.

Одна относилась к письму.

Другая — к копии.

Третью поставил поздний родственник, уверенный, что первые две ошибочны.

Анна однажды спросила:

— Какая настоящая?

Соломон ответил:

— Все.

— Так не бывает.

— Бывает. Просто каждая отвечает на другой вопрос.

Самой любимой семейной историей был 1827 год.

Сима Бобович и Иосиф-Соломон Луцкий поехали в Петербург добиваться освобождения крымских караимов от воинской повинности.

В семейном рассказе дорога всегда была тяжелее, чем могла быть.

Петербург — холоднее.

Чиновники — надменнее.

Сима — богаче.

Луцкий — мудрее.

Император — внимательнее.

Каждое поколение немного улучшало драматургию.

Иногда появлялся даже огромный заём, будто без миллиона история не могла считаться серьёзной.

— Был миллион? — спросила однажды Анна.

Соломон ответил:

— В семейной версии.

— А на самом деле?

— Делегация была. Ходатайство было. Освобождение получили.

— А миллион?

— Очень красивый.

— То есть не было?

— Я не сказал.

— Есть документ?

— Я не видел.

— А кто видел?

— Люди, которые рассказывали, что кто-то видел.

Анна закатила глаза.

— Опять.

— Ты ещё скажешь спасибо.

— Никогда.

Сима Бобович всё равно оставался семейным героем.

Человеком, который поехал в столицу и вернулся с решением, изменившим судьбу общины.

Но именно здесь Анна впервые почувствовала неприятную вещь.

История могла быть правдой в главном и неправдой в подробности.

Оттого она не становилась ни полностью ложной, ни полностью надёжной.

Детству нужны целые вещи.

Взрослость начинается, когда приходится жить с треснувшими.

Двенадцать лет спустя, в 1839 году, вопрос возник снова.

Уже другой.

Кто такие караимы?

Откуда они?

Как давно живут в Крыму?

Чем их история отличается от истории других еврейских общин империи?

Государство любило различия, если различия можно было положить в дело, снабдить справкой и подшить.

Караимам историческое доказательство было нужно не меньше.

Не для детской легенды.

Для чиновника.

К этому времени Авраам Фиркович был давно связан с семьёй Бобовичей.

Учитель.

Знаток текстов.

Человек с удивительной способностью видеть ценность там, где остальные видели пыль, ветхий пергамент и старую доску.

Поздняя семейная память превратит разговор 1839 года почти в приказ.

Будто Сима Бобович позвал Фирковича и потребовал:

найди доказательство нашей древности.

Ещё более поздняя фантазия сделает следующий шаг:

создай его.

Но между первым и вторым глаголом лежала пропасть, которую память часто переходила без моста.

В сохранившихся материалах было другое.

Запрос.

Интерес.

Деньги на поиски.

Письма.

Рекомендации.

Очень сильное ожидание результата.

Иногда этого достаточно, чтобы человек услышал в просьбе больше, чем ему сказали.

Фиркович отправился искать.

Крым.

Старые кладбища.

Кенассы.

Синагоги.

Молитвенные дома.

Сундуки.

Чердаки.

Людей, не понимавших цены своим книгам.

И людей, понимавших её лучше любого учёного.

Он переписывал надписи.

Покупал рукописи.

Получал в дар.

Просил для копирования.

Брал на сохранение.

Через годы эти глаголы начнут жить собственной жизнью.

«Дал».

«Продал».

«Оставил».

«Подарил».

«Забрал».

Для устного рассказа разница невелика.

Для суда — огромна.

В 1840–1841 годах дорога Фирковича ушла на Кавказ.

Там позже останутся рассказы.

О горских общинах.

О старых свитках.

О войне.

О раненом человеке.

О сундуке рукописей, который был передан человеку, способному спасти книги от гибели.

Или подарен.

Или доверен временно.

Или обменян.

В зависимости от того, кто рассказывал.

Проблема старых историй редко заключалась в отсутствии версии.

Обычно их было слишком много.
Фиркович возвращался с рукописями.
С копиями надписей.
С датами.
С доказательствами.

Караимское прошлое становилось всё древнее, подробнее и удобнее для людей, которым требовалось юридически отличить себя от тех, с кем государственная машина привыкла их соединять.

Никто ещё не спрашивал достаточно настойчиво, всегда ли доказательство было именно таким, каким его нашли.

Прошли годы.
Фиркович старел.
Собрание росло.
Рукописи начали жить отдельно от собирателя.
Учёные читали их.
Спорили.
Печатали.
Ссылались.

В начале шестидесятых годов Первое собрание поступило в Императорскую публичную библиотеку.

То, что ещё недавно лежало в сундуках Крыма, Кавказа и южных городов, получило шифры.

Полки.
Каталоги.
Формуляры.
Государственную пыль.

Оказалось, что даже тысячелетняя древность после поступления в учреждение обязана иметь номер.

Фиркович снова отправился на Восток.
1863 год.
1864-й.
Палестина.
Наблус.
Каир.

В Наблусе он работал с самаритянскими рукописями.

В Египте собирал древние еврейские и караимские тексты, пользовался посредниками, платил, торговался, принимал вещи, происхождение которых иногда можно было проследить, а иногда — уже нет.

Позднее вокруг восточных приобретений тоже появятся легенды.
Что именно он купил.
Что получил.
Что увёз.
Кому заплатил.

Кто имел право принять деньги.

Хорошая коллекция почти всегда создаёт два каталога.

Один — библиотечный.

Другой — список людей, считающих, что вещь оказалась в библиотеке неправильно.

В 1870 году Публичная библиотека приобрела самаритянское собрание Фирковича.
Полки стали длиннее.
Вопросы — тоже.

Последние годы Фиркович провёл в Чуфут-Кале.
На краю обрыва.
В городе, из которого обычная жизнь уже уходила быстрее памяти.
Он разбирал рукописи.
Сортировал.
Читал.
Переписывал.
Складывал письма.
Иногда исправлял старые описания.
Какие именно — позже станет важнее, чем можно было представить.
30 июня 1874 года Авраама Фирковича не стало.
После него остались наследники.
Дом.
Личные бумаги.
И огромное собрание, которого государство ещё не купило.
Второе собрание предложили Императорской публичной библиотеке.
Так древность снова получила цену.
Но перед покупкой требовалось понять, что именно собираются покупать.
Осенью 1875 года к оценке готовились Авраам Яковлевич Гаркави и Герман Штрак.
Они должны были ехать в Крым.
Осматривать рукописи.
Сопоставлять.
Описывать.
Считать.
Посмотреть не легенду.
Вещи.
Это различие казалось простым.
Пока Гаркави не открыл одну из рукописей Первого собрания в Петербурге.

В подвалах Императорской публичной библиотеки не было мистики.
Была сырость.
Она действовала убедительнее.
Авраам Яковлевич Гаркави сидел у стола под лампой и уже третий час сравнивал два места в рукописи.
Пергамент был древний.
Это не вызывало серьёзного сомнения.
Основной текст тоже.
Сомнение находилось в нескольких миллиметрах.
Маленький знак.
Часть датировки.
На нём тушь легла иначе.
Совсем немного.
Если смотреть прямо — почти ничего.

Если изменить угол света — край одного штриха становился слишком резким для соседних.

Гаркави повернул лист.

Снова.

Не касаясь.

Потом достал стекло.

Смотрел.

Подозревал.

Отодвигал подозрение.

Возвращался.

Учёный, который хочет найти подлог, опаснее поддельщика.

Поддельщик хотя бы знает, чего добивается.

Учёный может не заметить, как начнёт помогать собственной версии.

Поэтому Гаркави сделал то, что считал обязательным.

Отложил подозрительную рукопись.

Взял другую.

Тоже из собрания Фирковича.

Нашёл похожий участок.

Различие было, но хуже.

Можно было видеть вмешательство.

Можно — обычную позднюю поправку владельца.

Можно — разницу чернил.

Ничего достаточного.

Он взял третью.

Заранее почти ожидал след.

Не нашёл.

Вернулся.

Смотрел дольше.

Чисто.

Это обрадовало его сильнее первой находки.

Потому что чистый предмет запрещал будущему обвинению стать слишком лёгким.

В дверь вошёл служитель.

— Авраам Яковлевич, поздно.

— Вижу.

— Закрывать будем.

— Ещё четверть часа.

— Вы час назад сказали то же.

Гаркави посмотрел на часы.

— Значит, проверено независимо.

Служитель не оценил.

Ушёл.

Гаркави снова поставил рядом три рукописи.

Первая — ясный вопрос.

Вторая — сомнение.

Третья — контроль.

Так было честнее.

Он взял лист и записал:

«Поздняя тушь».

Ниже:

«Механический след в датирующем знаке».

Потом:

«Изменение влияет на датировку».

Рука задержалась.

Можно было написать:

«Фальсификация Фирковича».

Очень удобно.

Он не написал.

Вместо этого:

«Автор вмешательства не установлен».

Посмотрел на третью рукопись.

Добавил:

«Проверить остальные. И чистые тоже».

Вот теперь можно было идти.

Но Гаркави не ушёл.

Под пальцами лежал древний пергамент.

Переживший переписчика.

Владельцев.

Дороги.

Собирателя.

Переживёт, вероятно, и нынешних экспертов.

На камне можно высечь легенду.

На пергаменте — изменить дату.

В семейной памяти — добавить миллион рублей.

Во всём этом могла оставаться часть правды.

Именно поэтому ложь была опасна.

Она редко приходила одна.

Чаще устраивалась внутри подлинника.

Гаркави погасил одну лампу.

Осталась другая.

Косой свет снова прошёл по маленькому следу ножа.

Несколько миллиметров.

Достаточно, чтобы сделать прошлое старше.

Недостаточно, чтобы уничтожить древний текст.

Впервые за вечер Гаркави подумал не о Фирковиче.

О человеке, которому когда-то этот штрих был нужен.

Не обязательно ради денег.

Не обязательно ради славы.

Возможно, ради идеи.

Возможно, ради людей.

Это было хуже.

Корысть понятна.

Благородная причина умеет разрешать себе больше.

За окном начинался петербургский дождь.

До крымской поездки оставалось совсем немного.

Гаркави закрыл рукопись.

Потом снова открыл.

Проверил собственную запись.

Последние слова были на месте:

«Автор вмешательства не установлен».

Только после этого он позволил себе уйти.

На столе лежал подлинник.

И подлиннику требовалась помощь.

Только теперь — чтобы никто больше не помогал ему говорить.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Утром Гаркави снова спустился в подвалы раньше служителей.

Он плохо спал.

Это раздражало больше находки.

Учёный должен был уметь оставлять рукопись в библиотеке хотя бы на ночь. Иначе очень скоро начинал путать исследование с личной жизнью, а это редко приносило пользу и тому и другому.

На столе лежали три рукописи.

Первая — та, где он накануне заметил позднее вмешательство.

Вторая — с похожим участком.

Третья — чистая.

Именно третью он положил посередине.

Герман Штрак пришёл через четверть часа, стряхивая дождь с пальто.

Посмотрел на Гаркави.

Потом на лампу.

Потом снова на Гаркави.

— Вы ночевали здесь?

— Нет.

— Жаль. Тогда у вас нет оправдания так выглядеть.

Гаркави подвинул лампу.

— Смотрите.

Штрак снял перчатки.

Сел.

Сначала ничего не говорил.

Гаркави ценил это качество в людях выше образования.

Особенно в учёных.

Штрак наклонил первую страницу.

Не коснулся.

— След соскоба.

— Да.

— Поздняя тушь?

— Предварительно.

— Что изменено?

Гаркави показал.

Датирующий знак.

Маленькая разница.

Для неподготовленного глаза — не разница вовсе.

Штрак достал стекло.

Повернул.

Подвинул лампу.

— Уверены?

— В механическом вмешательстве — почти.

— «Почти»?

— Пока без химии.

— А в цели?

— Эффект меняет дату в сторону удревления.

— Я спросил не про эффект.

Гаркави поднял взгляд.

— Именно поэтому вы здесь.

Штрак усмехнулся.

Проверили второй образец.

Там результат оказался хуже.

Не потому, что вмешательство было очевиднее.

Наоборот.

Чернила отличались, но механический след не давал той же ясности.

— Может быть поздняя поправка владельца, — сказал Штрак.

— Может.

— Не Фирковича.

— Может.

— Без намерения изменить возраст.

— Может.

— Вы сегодня разговорчивы.

— Я пытаюсь научиться у документа.

— У него небольшой словарь.

— Зато меньше тщеславия.

Третью рукопись рассмотрели особенно тщательно.

Штрак даже сменил стекло.

Гаркави приготовил другой свет.

Ничего.

Ни соскоба.

Ни подозрительного штриха.

Ни разницы, которую можно было бы честно назвать вмешательством.

Гаркави отодвинул.

Штрак спросил:

— Разочарованы?

— Обрадован.

— Лжёте.

— Немного.

— Почему?

Гаркави провёл пальцем над полем, не касаясь текста.

— Если бы вмешательства были везде, объяснение стало бы проще.

— Систематическая фабрика.

— Да.

— А теперь?

— Теперь кто-то выбирал.

Штрак помолчал.

— Или мы нашли разные истории.

— Ещё хуже.

На столе лежали три вещи, прошедшие через одного собирателя.

Одна явно требовала вопросов.

Вторая — вероятно.

Третья сопротивлялась обвинению.

Гаркави взял лист.

Написал три номера.

Напротив первого:

позднее вмешательство подтверждается предварительно.

Напротив второго:

требуется проверки.

Напротив третьего:

видимых признаков поздней правки не обнаружено.

Штрак прочёл.

— Вы специально поставили чистую в середину.

— Да.

— Чтобы не забыть?

— Чтобы не захотеть забыть.

Штрак посмотрел на него внимательнее.

— Тогда начинаю волноваться.

— Почему?

— Вы нашли не подделку.

— А?

— Работу на несколько месяцев.

Кони выслушал Гаркави в Министерстве юстиции без единого перебивания.

На столе лежала четырёхстраничная записка.

Рукописей не было.

Это делало разговор одновременно спокойнее и опаснее: бумага уже начала говорить вместо вещи.

Кони прочёл первую страницу.

Вернулся.

— Вы употребляете выражение «признаки позднего вмешательства».

— Да.

— Не «фальсификация».

— Нет.

— Не «подлог».

— Нет.

— Почему?

— Потому что установил вмешательство. Не автора и не весь умысел.

Кони перечитал.

— Изменение делает дату древнее?

— Да.

— Существенно?

— Да.

— Научное значение?

— Большое.

— Для исторического вопроса о древности караимской общины?

— Потенциально.

Кони отложил лист.

— Тогда дело уже не только библиотечное.

Гаркави посмотрел.

— Почему?

Кони достал другую папку.

Толще.

Караимские торговые дома.

Кредиты.

Южные облигации.

Поставки.

Строительство железной дороги к Севастополю.

Фамилии.

Связи.

Люди, которые никогда не держали подозрительную рукопись, уже лежали в папке рядом с ней.

Гаркави пролистал первые страницы.

— Как это связано с чернилами?

— Пока никак.

— Хорошо.

Кони чуть улыбнулся.

— Вы единственный человек за утро, который обрадовался.

— Потому что соединять это сейчас опасно.

— Именно.

Он закрыл финансовую папку.

— Существует риск.

— Какой?

— Если вопрос о действиях одного собирателя превратится в доказательство коллективного обмана караимов, последствия будут не научные.

— Но я этого не утверждал.

— Вы — нет.

— А кто?

— Пока никто.

Поэтому я разговариваю с вами до того, как кто-нибудь решит утверждать.

Гаркави снял очки.

— Что от меня нужно?

— Продолжать быть неприятным.

— Это легко.

— Не обвинять раньше доказательства.

— Ещё легче.

— И не защищать коллекцию только потому, что боитесь за её научную репутацию.

Гаркави помолчал.

Вот это было труднее.

Тысячи рукописей.

Публикации.

Репутации исследователей.

Исторические построения.

Если первые сомнения разойдутся достаточно далеко, люди начнут считать заражённым всё собрание.

Но если страх перед этим заставит эксперта смягчить материальный след, он станет тем же человеком, которого ищет.

— Кто будет вести проверку? — спросил Гаркави.

Кони назвал фамилию.

— Набоков.
— Знаю.
— Это хорошо?
Гаркави подумал.
— Не знаю.
Кони поднял бровь.
— Уже хороший знак.

Николай Платонович Набоков получил дело после полудня.
Сначала решил, что произошла ошибка.
На обложке стояло:

«О возможных поздних вмешательствах в датировку рукописей собрания А. С. Фирковича».

Слово «возможных» ему понравилось.

Самые опасные дела обычно начинались с уверенности человека, который ещё ничего не проверил.

Кони сидел у окна.
— Читали Фирковича?
— Нет.
— О караимах?
— Недостаточно, чтобы иметь мнение.
— Хорошо.
— Почему?
— Не успели полюбить версию.
Набоков раскрыл записку Гаркави.
Читал медленно.

Несколько раз возвращался к одинаковой формуле:

«не установлено».

— Хороший эксперт.
— Очень.
— Не любит выводы.
— Чужие.
— Свои?
— Ещё меньше.
Набоков закрыл.
— Предмет дела?
— Пока узкий.
— «Пока» не люблю.
— Привыкайте.
— Преступление установлено?
— Нет.
— Потерпевший?
— Наука, возможно.
— Она заявление написала?
Кони улыбнулся.
— Поэтому позвал вас.
Набоков снова посмотрел записку.
— Что вас беспокоит больше всего?

Кони не ответил сразу.

Для Набокова пауза почти всегда означала, что вопрос приблизился к настоящему.

— Последствия.

— Не преступление?

— Последствия возможного преступления.

— Тогда договоримся сразу.

— О чём?

— Если последствия начнут диктовать факты, я уйду.

— А если факты начнут диктовать последствия?

— Это их право.

Кони кивнул.

— Поэтому дело ваше.

В тот же вечер генерал Потапов вызвал Новицкого.

У Третьего отделения были свои способы узнавать о делах Министерства юстиции.

Обычно быстрее самого Министерства юстиции.

Василий Иванович Новицкий вошёл без папки.

Потапов заметил.

— Не записываете?

— Если важно, запомню.

— А если забудете?

— Значит, было недостаточно важно.

Генерал не улыбнулся.

Новицкий и не рассчитывал.

На стол легла справка.

Фиркович.

— Умер, — сказал Новицкий.

— Это нам уже сообщили.

— Тогда арестовать будет трудно.

— Вы будете работать не по нему.

Следующая бумага.

Караимские торговые дома.

Связи.

Одесса.

Крым.

Кавказ.

Палестина.

Петербург.

Деньги на поездки.

Рекомендательные письма.

— Видите?

Новицкий пролистал.

— Купцы знают купцов.

— Очень смешно.

— Пока только это.

— Проверите больше.

— Что именно?

— Не существовала ли организованная сеть, заинтересованная в создании ложной исторической базы для особого правового положения караимов.

Новицкий поднял глаза.

— Сеть или заговор?

— Установите.

— Набоков знает?

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда он начнёт исследовать нашу версию вместо собственной.

Новицкий вернул первую бумагу на стол.

— Иногда полезная осторожность.

Потапов посмотрел внимательнее.

— Вы входите в группу как представитель безопасности.

— Иностраный след?

— Тоже.

— Какой?

— Имеются сведения об интересе британских коммерческих посредников к восточным рукописям.

— Это не след. Это рынок.

— Проверите.

— Хорошо.

Потапов убрал бумаги.

— И ещё, Новицкий.

— Да?

— Мне нужен результат.

Полковник посмотрел.

— Какой?

Потапов не ответил.

Новицкий запомнил именно это.

На следующий день они встретились в библиотеке.

Набоков пришёл первым.

Гаркави уже был там.

— Вы раньше.

— Я работаю здесь.

— Это не мешает опаздывать большинству людей.

Гаркави посмотрел.

— Кони предупреждал.

— О чём?

— Вы задаёте вопросы, которые считаете смешными.

— Иногда они единственные полезные.

Вошёл Новицкий.

Следом Штрак.

Набоков начал без вступления.

— Что установлено?

Гаркави показал первую рукопись.

— Пергамент древний.

— Основной текст?

- Древний.
- Датирующая запись?
- В неё вмешивались позднее.
- Когда?
- Точно не устанавливается.
- Кто?
- Не устанавливается.
- Эффект?
- Дата становится древнее.
- Значит, цель установлена.
- Нет.

Набоков поднял голову.

Гаркави продолжил:

- Установлен результат вмешательства. Мотив человека, который его сделал, — нет.

Новицкий прислонился к шкафу.

- Началось.
- Что? — спросил Набоков.
- Я думал, вы двое подерётесь после обеда.

Штрак сказал:

- Нет. Они будут наслаждаться.

Гаркави показал второй образец.

Потом третий.

Набоков быстро понял принцип.

Ни одна формулировка не должна была быть шире наблюдения.

Это раздражало и успокаивало одновременно.

- Фиркович имел доступ к трём?
- Да.
- Первый мог изменить?
- Физически — да.
- Второй?
- Да.
- Третий?
- Да.
- На третьем ничего.
- Видимого вмешательства не обнаружено.
- Значит, если Фиркович сделал первый, он не менял всё подряд.
- Если.
- Я сказал «если».

Гаркави впервые посмотрел одобрительно.

Новицкий заметил.

- Поздравляю. Вас приняли в науку.

Набоков проигнорировал.

- Вопрос собственности.

Гаркави удивился.

- Что?
- Первое собрание принадлежит библиотеке?
- Да.
- Второе?
- Наследникам. Сейчас только оценивается.

— Камни?
— Кладбище.
— Семейные бумаги?
— Разные владельцы.
Набоков записал.
— С этого и начнём.
— Почему? — спросил Штрак.
— Потому что прежде чем искать правду, полезно понять, что мы вообще имеем право трогать.
Новицкий сказал:
— Юрист вошёл.

Вечером Набоков оказался в салоне княгини Л*** исключительно потому, что Кони попросил.

Набоков не любил салонов.
Там люди слишком хорошо знали, кто кому представлен, и слишком плохо — зачем.
Кони обещал полезные знакомства.
Вместо них сначала был рояль.
Потом стихи.

Потом спор о Востоке между человеком, никогда не бывавшим южнее Киева, и человеком, считавшим Стамбул разновидностью Египта.

Набоков собирался уйти.
И увидел Анну Бобович.
Фамилию он уже читал в справках.
Оснований считать её причастной к чему-либо не было.
Именно поэтому заставил себя не подходить.
Княгиня сделала это за него.

— Николай Платонович, вы должны познакомиться.
— Почему?
— Потому что вы оба неприятно серьёзные.

Анна улыбнулась.
— Значит, наказание обоюдное.
Голос был ниже, чем он ожидал.

Опять ожидание.
Набоков мысленно выбросил.
— Анна Семёновна.
— Николай Платонович.

Княгиня исчезла, удовлетворённая собственной государственной деятельностью.
Анна сказала:

— Вы следователь.
Не вопрос.
— Иногда.
— Сейчас?
— Сейчас тоже.
— По Фирковичу?

Набоков посмотрел.
— Откуда?
— Петербург.

— Это не источник.
— Для Петербурга достаточный.
— Вы родственница Фирковича?
— Нет.
Семья Бобовичей помогала ему.
— Это знаю.
— Поэтому подошли?
— Поэтому не хотел подходить.
Она рассмеялась.
— Честно.
— Удобнее.
— Для кого?
— Для протокола.
— Здесь нет протокола.
— Именно поэтому.
Анна взяла бокал с подноса, но не пила.
— Вы будете искать, подделывал ли он рукописи?
— Я буду искать, что именно произошло с конкретными рукописями.
— Это уклонение.
— Это предмет.
— А человек?
— Потом.
Она посмотрела внимательнее.
— Вы всегда так разделяете?
— Стараюсь.
— Человека и поступок?
— Если иначе — получаются плохие приговоры.
— А народ и человека?
Набоков понял, куда она идёт.
— Тоже.
Анна чуть расслабилась.
— Тогда одна просьба.
— Уже?
— Не путайте человека с народом.
— Я ещё никого ни с кем не путаю.
— Хорошо.
— А вы не путайте семейную память с доказательством.
Её лицо изменилось.
Не обида.
Интерес.
— Это уже просьба мне?
— Да.
— Согласна.
Набоков не ожидал.
— Так просто?
— Нет.
Просто сказала быстро.
Княгиня снова позвала Анну.
Перед уходом она сказала:

— Фиркович был для нашей семьи не только собирателем.

— Кем?

Анна помолчала.

— Человеком, который помогал нам доказывать, что мы — это мы.

— Это опасная работа.

— Знаю.

Она ушла.

Набоков смотрел вслед дольше, чем требовал предмет дела.

Это ему не понравилось.

На следующий день он пришёл в дом Бобовичей с постановлением об осмотре бумаг.

Анна прочла.

Медленно.

Потом вернула.

— Нет.

— Что?

— Слишком широко.

Набоков взял.

— Здесь указаны документы, связанные с деятельностью Фирковича.

— «А также иные материалы, способные иметь значение для проверки».

— Обычная формула.

— Удобная.

— Законная.

— Это не одно.

Он посмотрел.

— Объясните.

— В доме есть деловая переписка семьи за десятилетия. Торговля. Долги. Частные письма. Чужие судьбы. По этой формуле вы можете взять всё, а потом решить, что было нужно.

Набоков перечитал.

Она была права.

Это раздражало.

— Что предлагаете?

— Ограничить: письма и счета, где прямо упомянуты Фиркович, его экспедиции, рукописи, поездки и финансирование поисков.

— А если рядом лежит документ, который объясняет контекст?

— Отдельно фиксируете основание и расширяете.

— Вы юрист?

— Я женщина из семьи, которую государство слишком часто просит доказать очевидное.

Набоков достал карандаш.

Зачеркнул широкую формулу.

Записал более узко.

Анна смотрела.

— Всё?

— Нет.

— Что ещё?

— Теперь вы будете свидетелем, что я сам испортил хороший ордер.

Она улыбнулась.

— Я сохраняю память.

— Вот этого и боюсь.

Соломон появился через десять минут.

С тростью, хотя хромоты Набоков не заметил.

— Вы следователь?

— Да.

— Молодой.

— Это обвинение?

— Наблюдение.

Анна сказала:

— Дядя.

— Молчу.

Не молчал.

Они открыли семейный шкаф.

Именно шкаф.

Не тайник.

Не сундук с секретом.

Обычный тяжёлый предмет мебели, где бумаги лежали в том порядке, который устанавливается не архивистом, а поколениями домашних рук.

Соломон достал папку.

— 1827.

Набоков посмотрел на Анну.

— Вы уже рассказывали.

— Здесь бумаги.

Были поздние копии.

Письма.

Записи о поездке.

Проект прошения.

Несколько документов, происхождение которых требовало отдельной проверки.

Набоков спросил о миллионном займе.

Соломон улыбнулся.

— Семейная версия.

— Документ?

— Не видел.

— Тогда почему рассказываете?

— Потому что меня в детстве так учили.

— Кто?

— Человек, который тоже слышал в детстве.

— Значит, ненадёжно.

— Как доказательство — да.

Как память — вполне.

Набоков посмотрел.

— Вы легко отдаёте красивую историю.

Соломон пожал плечами.

— Она никуда не уходит.

Просто перестаёт притворяться бухгалтерией.

Документы 1839 года оказались интереснее.

Запросы.

Деньги на дорогу.

Имена людей, которым следовало написать.

Просьбы искать древние свидетельства.

Ничего похожего на прямую формулу:

подделать.

Набоков читал.

Анна стояла у окна.

Соломон сидел.

— Фирковичу нужен был результат, — сказал Набоков.

— Да, — ответил Соломон.

— Семья ожидала доказательств.

— Да.

— Давала деньги.

— Да.

— Мог он понять это как требование найти доказательство любой ценой?

Соломон подумал.

— Мог.

Анна резко повернулась.

— Дядя.

— Что?

— Ты не знаешь.

— Я сказал «мог».

Набоков спросил:

— Вы считаете, ему приказали подделывать?

— Не знаю.

— Но только что...

— Николай Платонович, человек может услышать приказ там, где его не произнесли.

Особенно если очень хочет исполнить то, чего от него ждут.

— Это ваша версия?

— Это мой возраст.

Я видел достаточно людей.

Набоков записал не фразу, а смысл.

Потом спросил:

— Фиркович подделывал?

Соломон посмотрел прямо.

— Не знаю.

Анна закрыла глаза.

Ненадолго.

Набоков это заметил.

Старик сказал то, что ей было труднее всего услышать.

Не «нет».

Не «не мог».

Не защита.

Граница.

Пока Набоков работал в доме Бобовичей, Новицкий строил собственную карту.

Он не любил слово «сеть».
Потапов любил.
На большом листе появились фамилии.
Бобовичи.
Одесские купцы.
Крымские посредники.
Люди в Петербурге.
Контакты на Кавказе.
Финансирование поездок.
Рекомендации.
Кто к кому писал.
Кто кому давал деньги.
Кто кого знакомил с чиновником.
Через час бумага действительно стала похожа на заговор.
Новицкий отодвинул.
Потом взял другую семью крупного торговца.
Не караима.
Нарисовал его связи.
Через полчаса получилось почти то же.
Купец знает купца.
Родственник помогает родственнику.
Человек, едущий по империи, ищет людей, которые знают дорогу, начальника, перевод-
чика, кредитора.
Если каждую линию нарисовать чёрной тушью, любая торговля выглядит преступной.
Новицкий зачеркнул сверху слово:
ЗАГОВОР.
Написал:
СВЯЗИ.
Потом ниже:
**ПРОВЕРИТЬ ОБЩУЮ ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ. НЕ ПРИНИМАТЬ САМ ФАКТ
СВЯЗИ ЗА УМЫСЕЛ.**
Он посмотрел на формулировку.
Слишком юридическая.
Значит, Набоков уже действовал на нервы, даже отсутствуя.

После полуночи Гаркави вышел из библиотеки один.
Не в первый раз.
Рабочая тетрадь лежала во внутреннем кармане.
В ней были не результаты.
Хуже.
Вопросы.
Какие рукописи сравнить.
Крым.
Кавказ.
Наблус.
Каир.
Имена владельцев.
Старые номера.

Что посмотреть в доме Фирковича.
Кому писать.
Где проверить происхождение.
Карта ещё не проведённого расследования.
Он услышал шаги поздно.
Первый удар пришёлся сбоку.
Не очень точно.
Но достаточно.
Гаркави ударился о стену.
Тетрадь попытались вытащить.
Он схватил чужую руку.
— Отпустите!
— Вы первый.
Второй человек ударил.
Теперь по голове.
Гаркави упал.
Но рука всё ещё держала край пальто нападавшего.
Раздались шаги.
Крик.
Кто-то бросился бежать.
Второй дёрнул тетрадь.
Карман порвался.
Бумаги ушли вместе с ним.
Но сам уйти не успел.
Городовой и ночной сторож прижали его у угла.
Первый нападавший исчез.
С тетрадью.

Набокова разбудили через час.
Новицкий уже был на месте.
— Жив?
— Да.
— Тяжело?
— Врач говорит — нет.
— Тетрадь?
— Ушла.
— Кто задержан?
— Некто Кривенко.
— Что говорит?
— Пока мало.
— Не допрашивали?
— Жду вас.
Набоков посмотрел.
— Почему?
— Первый вопрос иногда портит следующие десять.
Набоков надел пальто.
— Это Гаркави вам сказал?
— Нет.

Вы.
Вчера.
Набоков не помнил.
— Полезный человек.
— Иногда.

Гаркави сидел в небольшой комнате при участке.
Повязка была временная.
Он выглядел хуже, чем хотел показывать.
— Что украли?
— Тетрадь.
— Что в ней?
— Всё, чего мы ещё не знаем.
— Очень удобно.
— Именно поэтому ценна.
Набоков сел.
— Подробно.
Гаркави перечислил.
Сравнения.
Маршруты.
Вопросы.
Крымские адреса.
Кавказские контакты.
Наблус.
Каир.
Имена владельцев.
Сведения о том, что именно он хотел проверить в оставшемся собрании.
Новицкий тихо сказал:
— Карта расследования.
Гаркави посмотрел.
— Да.
— Результаты?
— Почти нет.
— Значит, человек украл не доказательство.
— Нет.
— Направление.
— Да.
Набоков почувствовал первый настоящий холод.
Кому-то понадобилось узнать не то, что следствие уже нашло.
То, куда оно собиралось идти.

В соседней комнате лежали вещи Кривенко.
Нож.
Деньги.
Билет.
Два адреса.
Небольшая металлическая подвеска с геометрическим узором.

Городовой сказал:

— Караимская.

Новицкий повернулся.

— Почему?

— Видел похожие.

— Где?

— У людей.

— Каких?

Городовой замялся.

— Южных.

— Очень точная наука.

Набоков поднял подвеску через платок.

— Записываем как металлическую подвеску.

— Но...

— Пока металлическая.

Новицкий посмотрел на него.

Набоков добавил:

— До заключения специалиста никакой этнической атрибуции.

Городовой пожал плечами.

Для него вещь уже успела быть караимской и теперь внезапно стала хуже.

Просто вещью.

Кривенко сидел за дверью.

Набоков посмотрел через маленькое окно.

— Сегодня не будем.

Новицкий поднял бровь.

— Почему?

— Устал.

Он тоже.

Мы знаем мало.

Он пока не знает, что именно знаем мы.

Пусть ночь поработает.

— А если сообщники уйдут?

— Первый уже ушёл.

Остальных мы ещё даже не доказали.

Новицкий кивнул.

— Хорошо.

Гаркави из соседней комнаты сказал:

— Тетрадь может быть нужна обычному торговцу рукописями.

Набоков обернулся.

— Почему?

— Там маршруты.

Владельцы.

Предметы.

Что считаю ценным.

— То есть нападение может не иметь отношения к вмешательствам.

— Может.

Новицкий вздохнул.

— Вы даже собственное нападение отказываетесь использовать как доказательство.
— А должен?
— Нет.
Просто непривычно.

Набоков вернулся к столу.
Перед ним лежали:
порванный карман Гаркави;
пустое место, где была тетрадь;
металлическая подвеска;
два адреса;
билет;
нож.
Очень легко было собрать из этого историю.
Караимский знак.
Сеть.
Нападение.
Учёный обнаружил подлог.
Люди, связанные с Фирковичем, пытаются уничтожить расследование.
История складывалась прекрасно.
И именно поэтому Набоков ей не доверял.
Он написал:

ФАКТЫ

Под словом:
Гаркави подвергся нападению.
Тетрадь похищена.
Один нападавший задержан.
Второй скрылся.
Подвеска найдена у задержанного.
Её происхождение не установлено.
Потом:

ВЕРСИИ

Коммерческий интерес.
Попытка остановить расследование.
Личная причина.
Этническая/семейная связь — не подтверждена.
Новицкий заглянул.
— Что делаете?
— Спасаю нас от хорошей истории.
— Получается?
— Пока.
За окном начинало светать.
Гаркави наконец позволили отвезти домой.
У двери он остановился.
— Николай Платонович.
— Да?
— Если нападение действительно связано с рукописями...
— Проверим.

— Я хотел сказать другое.
— Что?
— Не позволяйте ему доказать больше, чем оно доказывает.
Набоков кивнул.
— Не позволю.
В коридоре Новицкий ждал у окна.
— Ну?
Набоков посмотрел на закрытую дверь.
Ещё вчера спор шёл о чернилах.
Сегодня кто-то проломил человеку голову и унёс список будущих вопросов.
— Сегодня дело перестало быть академическим.

ГЛАВА ВТОРАЯ СУДЕБНАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Гаркави пришёл в библиотеку с повязкой.
Набоков встретил его у входа.
— Нет.
— Что?
— Домой.
— Почему?
— Потому что вчера вас били по голове.
— Сегодня не бьют.
— День только начался.
Гаркави сделал шаг.
Набоков не отступил.
— Врач разрешил?
— Врач не заведует рукописями.
— К счастью для рукописей.
Хвольсон, подошедший сзади, сказал:
— Пусть работает.
Набоков повернулся.
— Это медицинский совет?
— Научный.
— Ещё хуже.
Гаркави прошёл между ними.
— Если хотите установить, зачем украли тетрадь, сначала надо понять, что именно в ней было важного.
Это изменило спор.
Набоков пропустил.
— Два часа.
— Четыре.
— Три.
— Хорошо.
Хвольсон сказал:
— Вы умеете торговаться с учёными.
— Это опаснее преступников.
— Почему?
— Преступник хотя бы иногда понимает, что нарушает правила.
Гаркави уже открывал шкаф.

— Разговаривайте позже.

На столе лежали четыре рукописи.

Три вчерашние.

И ещё одна.

Набоков заметил.

— Четвёртая?

— Контроль.

— Третьей недостаточно?

— Хочу предмет, где Фиркович имел доступ, где удревнение было бы научно полезно, но видимого вмешательства нет.

— Зачем?

— Чтобы возможность не превратить в привычку.

Хвольсон посмотрел на Гаркави.

— Вы специально ищете невиновность?

— Нет.

Ищу отсутствие вмешательства там, где оно могло бы быть выгодно.

— Это почти одно.

— Нет.

Набоков сказал:

— Правильно.

Хвольсон повернулся.

— Уже союз?

— Нет.

Просто хороший метод.

Гаркави говорил теперь не как исследователь, а как эксперт.

Меньше предположений.

Больше границ.

Он положил современный лист бумаги.

Нарисовал две еврейские буквы.

— В еврейском письме буквы используются также как числовые обозначения.

Набоков наклонился.

Новицкий стоял у шкафа.

Хвольсон — у окна.

— Здесь, — сказал Гаркави, — нас интересует разница между «реш» и «далет».

— Я вижу почти одинаковые знаки.

— Именно.

— И сколько может стоять одно почти?

— В конкретной системе датировки разница способна составить сто девяносто шесть лет.

Новицкий присвистнул.

— Дешёвая древность.

Гаркави посмотрел.

— Не дешёвая.

Точный штрих требует понимания.

— Ещё хуже.

Набоков спросил:

— Покажите, что произошло с рукописью.

Гаркави повернул древний лист под свет.

— Основная линия вот здесь.

Письмо старой руки.

Посмотрите на край.

Набоков смотрел.

Ничего.

— Не вижу.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что неподготовленный человек не должен видеть то, чего ему объяснили заранее.

Гаркави изменил угол.

Теперь на одном участке появился едва заметный край.

— Здесь поверхность была механически затронута.

— Соскоб?

— Да.

— Потом?

— Проведён дополнительный штрих.

Иной тушью.

— Как понимаете, что иной?

— Цвет.

Реакция.

Проникновение в поверхность.

Старые чернила состарились вместе с материалом иначе.

— Можно датировать тушь?

— Не точно.

— Руку?

— Слишком мал фрагмент.

— Значит, человек мог изменить «реш» в «далет»?

— В упрощённом описании — да.

— И рукопись стала старше почти на два века.

— Дата, читаемая по знаку.

Не рукопись физически.

Набоков улыбнулся.

— Хорошо.

— Что?

— Вы поправляете даже обвинение в подлоге.

— Для этого и нужен эксперт.

Хвольсон прошёл к окну.

— Вы всё время говорите так, словно преступление уже доказано.

Гаркави не обернулся.

— Вмешательство доказано достаточно для дальнейшего исследования.

— Коллекцию изучают десятилетиями.

— Поэтому?

— Поэтому любое заявление ударит не по Фирковичу. Он мёртв.

По работающим учёным.

По публикациям.

По доверию к собранию.

— Это не основание изменить формулировку.

— Я не предлагаю изменить факт.

Предлагаю понимать последствия слов.

Гаркави повернулся.

— Если я назову вмешательство «особенностью письма» потому, что газета может испугаться, чем это будет отличаться от поздней правки документа ради полезного результата?

Хвольсон замолчал.

Набоков посмотрел.

Вот.

Не спор о репутации.

Спор о границе осторожности.

— Вы защищаете Фирковича? — спросил он Хвольсона.

— Нет.

— Тогда кого?

— Право древнего текста не стать ложью целиком из-за позднего штриха.

Гаркави посмотрел на него впервые за утро без раздражения.

— С этим согласен.

Смысл спора изменился.

Оба защищали не собирателя.

Подлинную часть вещи от удобного полного обвинения.

Четвёртую рукопись проверяли дольше остальных.

Набоков спросил:

— Почему именно её выбрали?

— По содержанию и предполагаемой датировке она могла быть полезна для тех же построений древности.

Фиркович ею владел.

Имел возможность вмешаться.

— И?

— Не вижу.

— Вообще?

— Видимых признаков.

Не заставляйте меня говорить «вообще».

Новицкий сказал:

— Ему физически больно.

— Правильно.

— Что это нам даёт? — спросил Набоков.

Гаркави подумал.

— Ничего о невиновности в первом случае.

— А о системе?

— Что простой формулы «он менял всё, что мог» пока нет.

— Следовательно, если вмешивался, мог выбирать.

— Или вмешательства делали разные люди.

— Да.

Набоков записал обе версии.

Хвольсон увидел.

- Не выбрали красивую.
- Рабочая привычка.
- Очень неприятная.

Кривенко заговорил после полудня.

Не потому, что Набоков нашёл психологический ключ.

Потому что Новицкий принёс завтрак.

Кривенко ел жадно.

Полковник сидел напротив.

— В Одессе кормят лучше?

Ложка замерла.

Набоков ничего не сказал.

Кривенко продолжил.

— Я был там один раз.

— Не спрашивал, — сказал Новицкий.

— Вы сказали.

— Я говорю много.

Кривенко ел медленнее.

Набоков вмешался:

— Кто нанял?

— Не знаю.

— Деньги получили?

— Да.

— От кого?

— Человек.

Новицкий посмотрел.

— Уже полезно. Мы боялись, что лошадь.

Кривенко промолчал.

— Петербургский?

— Нет.

— Откуда?

— Говорил, что по поручению из Одессы.

— Имя?

— Костя.

— Фамилия?

— Не знаю.

— Видели раньше?

— Один раз.

— Где?

— Трактир.

— Кто его привёл?

— Никто.

— Как нашёл вас?

Кривенко пожал плечами.

— Через людей.

Новицкий сказал:

— Все преступления совершают люди через людей. Нам нужны следующие.

Кривенко посмотрел на Набокова.

- Мне что будет?
- Пока зависит от того, что именно вы сделали.
- Я не убивал.
- Гаркави получил удар по голове.
- Не я.
- Кто?
- Другой.
- Имя?
- Не знаю.
- Очень дружная компания.

Набоков не спешил.

Первый допрос редко выигрывает от желания быстро услышать главное.

- Что надо было взять?
 - Тетрадь.
 - Почему?
 - Не знаю.
 - Что сказали?
 - Рабочие записи учёного.
 - Какого?
 - Гаркави.
 - Имя знали заранее?
- Кривенко понял поздно.
- Да.
 - Значит, заказчик знал конкретного человека.
 - Наверное.
 - Убить?
 - Нет.
 - Напугать?
 - Нет.
 - Только тетрадь?
 - Да.
 - Почему ударили?
 - Он держал.

За дверью Гаркави, которому запрещали присутствовать, сказал:

- Убедительно.

Набоков повернулся.

- Вы почему здесь?
- Случайно.
- Домой.
- Через час.
- Сейчас.
- Договор был три.
- Договор отменён преступлением против режима.

Гаркави ушёл.

Не далеко.

Набоков слышал.

— Был англичанин? — спросил Кривенко неожиданно.
Новицкий не двинулся.
Набоков тоже.
— Почему спрашиваете?
— Костя говорил.
— Что?
— Заказ от англичанина.
— Имя?
— Грин.
Новицкий бросил короткий взгляд на Набокова.
Слишком удобно.
— Вы видели Грина?
— Нет.
— Слышали?
— Нет.
— Деньги от него?
— Нет.
— Почему уверены, что существует?
— Костя сказал.
Набоков записал.
— Значит, вы знаете не об англичанине Грине.
Вы знаете, что человек по имени Костя сказал слово «Грин».
Кривенко нахмурился.
— Какая разница?
— Пока огромная.

Металлическую подвеску показали специалисту отдельно.
Без слов «караимская».
Без объяснения, что городской уже придумал ей происхождение.
Небольшой предмет.
Дешёвая работа.
Геометрический орнамент.
Специалист долго смотрел.
— Ну?
— Что «ну»?
— Откуда?
— Из кармана человека.
Набоков вздохнул.
— Я спрашиваю о традиции.
— Орнамент общий.
— Караимский?
— Может встречаться.
— Еврейский?
— Может.
— Татарский?
— Подобные мотивы — да.
— Христианский?

— В декоративной вещи — почему нет.

Новицкий сказал:

— Очень полезно.

— А что вы хотели?

— Чтобы металл признался в вероисповедании.

Специалист посмотрел.

— Тогда нужен другой металл.

— Какой?

— Колокол.

Даже Набоков улыбнулся.

Заключение получилось коротким:

этническая или конфессиональная атрибуция по предмету не устанавливается.

— Амулет? — спросил Набоков.

— Почему амулет?

— Так называли.

— Маленький, металлический и непонятный?

— Да.

— Тогда это характеристика исследователя, не вещи.

Новицкий посмотрел на Набокова.

— Запишите.

Набоков уже писал.

Подвеска осталась уликой.

Но перестала быть караимской уликой.

Смысл, который ей почти дали, оказался создан следствием.

Это было неприятно.

Поэтому полезно.

Проверили одежду Кривенко.

Подвеска действительно находилась в подкладке.

Но кто её туда зашил — установить нельзя.

Сам Кривенко утверждал, что пальто купил ношеным.

Лавочник вспомнил похожую продажу.

Не человека.

Не дату точно.

Не подвеску.

Новицкий сказал:

— Значит, ни опровергнуть, ни подтвердить.

— Да.

— Прекрасная вещь.

— Почему?

— Она уже успела обвинить караимов, а теперь просто лежит.

Набоков положил её в пакет.

— Пусть учится.

Анна пришла в Мариинский дворец сама.

Кони прислал ей копию экспертной формулировки после согласования.

Набоков увидел её в коридоре.

— Вас не вызывали.
— Знаю.
— Тогда почему?
— Потому что вы всё равно вызовете.
— Возможно.
— Экономлю бумагу.
— Государство оценит.
Она была спокойна слишком тщательно.
В кабинете уже находились Кони и Гаркави.
Анна посмотрела на повязку.
— Мне сказали о нападении.
— Жив, — сказал Гаркави.
— Вижу.
— Хороший метод.
Кони предложил сесть.
Гаркави положил перед ней копию заключения.
Анна читала.
На словах **«позднее вмешательство установлено»** пальцы остановились.
— Это точно?
Гаркави ответил:
— Для этого предмета — признаки достаточно убедительны.
— Фиркович?
— Не установлено.
— Но он мог?
— Имел доступ.
— Значит, мог.
— Да.
Анна закрыла бумагу.
— Я надеялась, вы ошибётесь.
Гаркави кивнул.
— Я тоже иногда.
— Сейчас?
— Если появятся новые данные, изменю вывод.
— Это не утешает.
— Не должен.
Набоков смотрел.
В ней впервые не было готовой защиты.
— Если это сделал Фиркович... — сказала Анна.
Не закончила.
— Что? — спросил Набоков.
— Тогда мне придётся понять зачем.
— Чтобы оправдать?
— Нет.
Ответ прозвучал тише.
— Чтобы понять, что именно он сделал с нашей памятью.
Набоков ответил прежде, чем успел проверить фразу:
— Поддельный документ не делает поддельными людей.
Анна подняла глаза.
— Это юридическая формула?

— Нет.

— Тогда хорошая.

Он пожалел.

Не потому, что неверно.

Потому что фраза уже принадлежала не делу.

Им.

Кони вернул разговор к хронологии.

— Анна Семёновна, когда было получено освобождение крымских караимов от воинской повинности?

— В 1827 году.

— Экспедиция Фирковича?

— 1839-й.

Набоков спросил:

— Значит, популярная семейная версия «Фиркович изменял прошлое, чтобы спасти детей от набора» хронологически не работает.

Анна помолчала.

— Да.

— Вы сами это говорите.

— Потому что это правда.

— Хотя лишает возможный подлог доброго оправдания?

Она посмотрела резко.

— Я не прошу красивого оправдания.

Потом тише:

— Но долго хотела.

Кони ничего не сказал.

Анна продолжила:

— Потому что оно было добрым.

Вот.

Не убедительным.

Не доказанным.

Добрым.

И поэтому особенно живучим.

Набоков понял: версия умерла не от вражеского доказательства.

Анна сама её отпустила.

Это стоило больше.

В галерее после разговора они оказались вдвоём.

Не случайно.

Но оба могли сделать вид.

Анна остановилась у окна.

— Я должна вас попросить.

— Что?

— Не ищите встреч со мной.

Набоков молчал.

— Почему?

— Потому что вы расследуете мою семью.

— Фирковича.
— И семью тоже, если потребуется.
— Да.
— Тогда нельзя.
— Что именно?
Она посмотрела.
— Не заставляйте меня объяснять вам то, что вы объяснили бы любому другому.
Набоков почувствовал раздражение.
На себя.
— Вы правы.
— Не говорите так быстро.
— Почему?
— Тогда кажется, что вам легко.
— Не легко.
Она отвернулась.
— Вот теперь хуже.
— Анна Семёновна...
— Не надо.
— Хорошо.
— И не обещайте, что не будете думать.
— Я не собирался лгать.
Она посмотрела.
Улыбнулась почти незаметно.
— Именно это опасно.
И ушла.

Новицкого вызвали в Министерство финансов вечером.
Чиновник был вежлив.
Это сразу насторожило.
— Мы не вмешиваемся в следствие.
— Хорошее начало.
— Я серьёзно.
— Ещё хуже.
На стол легли расчёты.
Южные кредиты.
Торговые дома.
Строительство и финансирование железнодорожных проектов.
Репутационные риски.
Сценарии.
Новицкий прочёл первую страницу.
— Это не факт.
— Конечно.
— Тогда зачем?
— Сценарий.
— Сценарии нужны государству, чтобы заранее бояться того, что ещё не произошло?
— Чтобы понимать последствия.
— Последствия чего?

— Если расследование даст основание считать караимские финансовые круги участниками организованной исторической фальсификации...

— Пока не даёт.

— Мы не утверждаем обратного.

— Вы уже нарисовали таблицу.

— Потому что должны.

Новицкий закрыл.

— Следствие не компас для рынка.

— Полковник, вы представляете государственный интерес.

Вот снова.

Интерес.

Потапов хотел проверить заговор.

Финансы хотели стабильность.

Библиотека — репутацию собрания.

Хвольсон — научную процедуру.

Гаркави — точность.

Набоков — факты.

Каждый хотел от дела своё.

Новицкий впервые понял, что самое сильное давление может исходить вовсе не от преступника.

От людей, уверенных, что защищают полезное.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

— Понимание направления.

— Направление будет после фактов.

— Государству иногда нужно раньше.

— Тогда государству придётся потерпеть.

Чиновник посмотрел.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только когда кормят цифрами вместо доказательств.

В библиотеке Хвольсон спорил с Гаркави уже о формулировке будущего заключения.

— «Подлог» нельзя.

— Я и не пишу.

— «Механическое вмешательство с целью изменения датировки»?

— Цель не установлена.

— Но эффект очевиден.

— Тогда и пишу эффект.

— Газета напишет цель.

— Это проблема газеты.

— Это проблема науки.

Гаркави снял очки.

— Если мы заранее изменим формулировку потому, что публика прочитает её неправильно, мы повторим сам принцип, который расследуем.

Хвольсон замолчал.

Набоков вошёл на последних словах.

— Продолжайте.

— Уже закончили, — сказал Хвольсон.

— Кто победил?

Гаркави пожал плечами.

— Текст.

Набоков посмотрел на заключение.

Фраза была сухая.

Скучная.

Точная.

Ни один редактор газеты её не полюбит.

Хорошо.

Кривенко допросили второй раз на следующий день.

На этот раз он был менее уверен.

Потому что понял: подвеска не стала тем доказательством, которого, вероятно, ожидали следователи.

Набоков начал не с Грина.

— Когда заказали тетрадь?

Кривенко назвал день.

— Что сказал Костя?

— Нужно забрать до того, как учёный поедет на юг.

Набоков остановился.

— Повторите.

— Пока не уехал.

— Куда?

— На юг.

— Крым?

— Не говорил.

Новицкий подался вперёд.

— Откуда заказчик мог знать о поездке следствия?

Кривенко пожал плечами.

— Не знаю.

Набоков молчал.

Потом понял.

Гаркави и Штрак собирались в Крым ещё до появления Набокова.

Научная поездка для оценки Второго собрания.

Значит, фраза «пока учёный не уехал на юг» могла вообще не относиться к расследованию.

— Тетрадь могли хотеть из-за научной экспедиции, — сказал он после допроса.

Новицкий кивнул.

— Рынок.

— Или кто-то, кому важно, что именно Гаркави собирается проверять в Крыму.

— Но уже не обязательно человек, знающий о нашем деле.

— Да.

Смысл нападения снова изменился.

Не исчез.

Стал честнее.

Кони собрал группу на следующий день.

Набоков.

Гаркави.

Новицкий.

Штрак.

На столе лежали карта юга, документы наследников и проект командировки.

— Едем в Крым.

Набоков спросил:

— Основание?

— Научная оценка Второго собрания всё равно планировалась.

После нападения и найденных вмешательств добавляется следственная проверка — в пределах законных полномочий.

— Дом Фирковича?

— С согласия наследников.

— Семейные бумаги Бобовичей?

— Только с владельцами или по отдельному основанию.

— Камни?

— Осмотр.

Не изъятие, — сказал Кони.

Новицкий вздохнул.

— Жаль.

Гаркави посмотрел.

— Вы хотели привезти кладбище?

— Для удобства.

— Оно плохо упаковывается.

Кони продолжил:

— Никаких широких изъятий.

Набоков кивнул.

— Правильно.

— Поездка должна оставаться научной там, где она научная, и следственной там, где следственная.

— Очень красивая граница, — сказал Новицкий.

— Постарайтесь не наступать.

Отправление назначили на 18 сентября.

Накануне Набоков дома разложил два листа.

На одном написал:

ФАКТЫ.

На втором:

ВЕРСИИ.

Фактов получилось меньше.

Позднее вмешательство в датирующий знак.

Вторая рукопись требует проверки.

Чистые контрольные предметы существуют.

Гаркави подвергся нападению.

Тетрадь украдена.

Кривенко задержан.

Грин существует пока только как имя, переданное через посредника.

Подвеска не имеет установленной этнической принадлежности.

Фраза «до поездки на юг» может относиться к давно запланированной научной поездке.

На листе версий было теснее.
Фиркович.
Другой поздний владелец.
Торговый интерес.
Караимская сеть.
Иностранный покупатель.
Попытка уничтожить расследование.
Попытка опередить исследование.
Личный мотив.
Набоков посмотрел.
Версии всегда размножались быстрее фактов.
В этом была их биологическая сила.
Он сложил листы отдельно.

Николаевский вокзал был переполнен.
Корзины.
Багаж.
Солдаты.
Купцы.
Чиновники.
Дети.
Пар.
Запах угля, кожи и мокрой шерсти.
Набоков приехал заранее.
Новицкий — вовремя.
Гаркави — слишком рано.
Штрак раздражался на всех троих.
— Научная экспедиция обычно выглядит спокойнее.
— Это потому, что вы раньше не ездили с жандармом, — сказал Новицкий.
— Я и сейчас не еду с жандармом.
— Уже лучше.
Набоков проверял бумаги.
Разрешения.
Согласия владельцев.
Перечень того, что группа вправе осматривать.
Гаркави посмотрел.
— Боитесь Крыма?
— Бумаг.
— Почему?
— Они чаще стреляют после дела.

Набоков поднял голову.
Увидел Анну.
Рядом Соломон.
На секунду всё остальное исчезло.
Это было непрофессионально.
Вернул.

— Что вы здесь делаете?
Анна подняла бровь.
— Здравствуйте.
— Анна Семёновна.
— Уже лучше.
— Вы едете?
— В Крым.
— Почему?
— Там семейные бумаги.
Дом.
Люди, которых вы будете спрашивать.
— Могли предупредить.
— Тогда вы бы возражали.
— Возможно.
— Вот.
Гаркави тихо сказал:
— Полезное слово.
Набоков посмотрел.
— Все против меня?
Штрак ответил:
— Я пока нет.
Но дорога длинная.
Соломон пожал Набокову руку.
— Не бойтесь.
— Чего?
— Я буду следить, чтобы Анна не мешала следствию.
Анна посмотрела.
— Дядя.
— И чтобы следствие не мешало Анне.
— Это хуже.
— Обычно так.

Когда поезд тронулся, Новицкий стоял у окна.
Высокий мужчина в английском котелке находился у колонны.
Багажа не было.
К поезду не спешил.
Смотрел.
Новицкий запомнил лицо настолько, насколько позволяла платформа.
Не подал вида.
Поезд пошёл быстрее.
Мужчина остался.
Подождал.
Потом повернул не к выходу.
К телеграфной конторе.
Новицкий продолжал смотреть, пока платформа не ушла назад.
Набоков заметил.
— Что?
— Ничего.

— Вы плохо врёте.
— Хорошо.
Человек в котелке.
— Какой?
— Высокий.
Остался на платформе.
— И?
— Пошёл к телеграфу.
— Знаете его?
— Нет.
— Видели раньше?
— Не уверен.
— Значит, пока ничего.
Гаркави, сидевший напротив, сказал:
— Прогресс.
Новицкий посмотрел.
— Что?
— Вы тоже научились.
Поезд набирал скорость.
Петербург уходил назад.
Впереди был Крым.
Камни.
Дом умершего собирателя.
Семейная память.
И теперь кто-то знал, что они едут в Крым.
Вопрос был только в том, кто именно ждал их там.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КЫРК-ЕР

В дороге Набоков понял, что караимов представляет хуже, чем думал.
Это выяснилось за завтраком.

Поезд уже несколько часов шёл на юг. Петербург остался в другой погоде, Москва — в другой суете, а впереди начиналась та часть империи, которая на столичных картах выглядела спокойнее, чем жила.

В вагоне пахло чаем, дорожной пылью, кожей чемоданов и тем особым железнодорожным дымом, который проникал даже туда, куда, по уверению проводника, проникать не должен был.

Новицкий сидел у окна.

Соломон напротив.

Анна читала.

Гаркави пытался одновременно пить чай и делать пометы.

Штрак смотрел на это с немецким неодобрением.

Новицкий спросил:

— Вы евреи?

Соломон поставил чашку.

Очень осторожно.

— Осторожный вопрос для человека с оружием.

Полковник усмехнулся.

— Я серьёзно.

— Тогда хуже.

Анна закрыла книгу.

— Караимы признают Писание, но не талмудическую традицию в том виде, как раввинистический иудаизм.

Набоков сказал:

— Значит, отдельная религиозная община.

— Да.

— Этнически?

Анна посмотрела на него.

— Вот здесь начинаются споры.

— Какие?

Соломон вздохнул.

— Самые любимые.

— Почему любимые?

— Потому что никто не может окончательно победить.

Гаркави поднял голову.

— Исторические версии происхождения различаются. И очень сильно.

— Какие именно? — спросил Набоков.

— Николай Платонович, — сказал Гаркави, — если начать сейчас, до Крыма доедем уже специалистами по тому, что всё равно не установим.

— У нас длинная дорога.

— Именно этого я и боюсь.

Новицкий вмешался:

— А семейная версия?

Анна сказала:

— Зависит от семьи.

— У вашей?

Соломон улыбнулся.

— У нашей было несколько.

— Почему?

— Мы люди состоятельные. Можем позволить себе больше одного прошлого.

Анна покачала головой.

— Не слушайте его.

— Поздно, — сказал Новицкий.

— У нас действительно рассказывали по-разному, — продолжила она. — Кто-то подчёркивал древность в Крыму. Кто-то — связь с Востоком. Кто-то любил хазарскую версию.

— А вы?

Анна посмотрела на окно.

— В детстве любила самую красивую.

— Хазарскую?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что ребёнку приятнее происходить от царства, чем от нескольких семей, которые просто долго жили в одном месте.

Соломон одобительно кивнул.

— Наконец честное историческое основание.

Гаркави сказал:

— Главное сейчас — не выбрать между этими версиями, а помнить, что каждая могла влиять на то, какие документы особенно ценили.

Набоков повернулся.

— Объясните.

— Если человек хочет доказать определённое происхождение, он иначе смотрит на находки.

— Может неосознанно отбирать подходящие?

— Может.

— А неподходящие?

— Не замечать.

— Или исправлять?

В вагоне стало тише.

Гаркави поставил чашку.

— Это уже другой вопрос.

— Но возможный.

— Возможный.

Набоков записал одно слово:

ОТБОР.

Новицкий заглянул.

— Уже новая версия?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы не забыть, что выбор начинается раньше ножа.

Гаркави посмотрел на него.

Одобрение было почти незаметным.

Почти.

К 1827 году вернулись после второй чашки чая.

Набоков уже видел бумаги семьи Бобовичей.

Теперь слышал человеческую версию.

Соломон рассказывал спокойнее, чем в Петербурге.

Без императора, который лично ждал их предка у двери.

Без сундука золота.

И, главное, без миллиона.

Набоков остановил.

— Где деньги?

Соломон посмотрел.

— Какие?

— Миллион.

— Вы портите мне легенду.

— Работа.

— В некоторых семейных рассказах Сима Бобович будто бы дал огромную сумму государству. Или императору. Или одолжил. Смотря кто рассказывал.

— Документ?

— Я не видел.

— Сколько людей рассказывало?

— Много.

— Видел кто-нибудь?

— Деньги?

— Документ.

— Не при мне.

Анна сказала:

— Я в детстве считала это фактом.

— А сейчас?

Она посмотрела в окно.

Поле за стеклом уходило назад длинными полосами.

— Сейчас считаю семейной историей.

— Разочаровались?

Анна подумала.

— Нет.

— Совсем?

— Стало труднее.

— Это не ответ.

— Именно ответ.

Она повернулась.

— Когда история красивая, её можно любить целиком.

Когда начинаешь проверять, приходится решать, что в ней любишь — событие или рассказ о событии.

Набоков промолчал.

Соломон сказал:

— Я всегда любил рассказ.

— Дядя.

— Что? Событие и без меня состоялось.

Новицкий усмехнулся.

— Вы опасный свидетель.

— Лучшие такие.

Гаркави тихо произнёс:

— Для литературы.

Набоков посмотрел.

— А для следствия?

— Лучше плохой свидетель, который знает границы памяти, чем хороший рассказчик, который их не знает.

Соломон поднял чашку.

— За меня.

В 1839 году всё стало менее уютно.

Соломон достал из дорожной папки несколько семейных копий писем.

Не оригиналы.

Набоков сразу спросил:

— Когда сняты?

— Не знаю точно.

— Кем?

— Часть семейными писцами.

Часть, возможно, уже позднее.

— С каких оригиналов?

— Вот здесь хуже.

— Почему?

— Некоторые оригиналы существовали ещё при моём отце.

Потом исчезли.

— Исчезли?

Новицкий поднял глаза.

— Не радуйтесь, — сказал Соломон. — Люди умирают, дома переезжают, бумаги уходят к родственникам, родственники перестают разговаривать. Это тоже способ исчезновения.

— Копии первого порядка?

Гаркави взял одну.

— Не установлено.

— Второго?

— Возможно.

— Третьего?

Соломон пожал плечами.

— Мы семья состоятельная. Можем позволить себе и третьего.

Анна посмотрела укоризненно.

— Дядя.

Гаркави сказал:

— Это важно.

— Что?

— Плохая характеристика источника лучше ложной хорошей.

Набоков кивнул.

В одном письме говорилось о необходимости представить убедительные сведения о древности караимов.

В другом — о людях, которые могли помочь Фирковичу в Крыму.

В третьем встречалась фраза:

«Камни отвечают тому, кто знает, что спросить».

Анна, прочитав её, едва заметно улыбнулась.

Набоков увидел.

Гаркави тоже.

— Осторожно, — сказал он.

Она сразу нахмурилась.

— Почему?

— Мы не знаем автора этой формулировки.

— Она стоит в письме о Фирковиче.

— В поздней копии.

— Но могла принадлежать ему.

— Могла.

Анна вздохнула.

— Я уже ненавижу это слово.

— Зато оно вас не обманывает.

— Иногда хочется, чтобы хоть одно слово обманывало красиво.

— Для этого есть поэзия.

Соломон сказал:

— И семейный архив.

Набоков взял копию.

— Можно установить, когда её сняли?

Гаркави посмотрел.

— Бумагу поздней копии — приблизительно.

Чернила — возможно.

Но это не вернёт оригинал.

— А почерк?

— Если найдём другие копии того же человека.
— Значит, фраза может быть старой, а может быть украшением более позднего переписчика.

— Да.

Анна взяла письмо обратно.

Несколько секунд смотрела.

— В детстве мне её говорил Соломон.

Набоков повернулся к старику.

— Откуда?

Соломон подумал.

Долго.

— Не знаю.

Анна тихо рассмеялась.

Не весело.

— Вот и всё.

Красивый афоризм потерял автора.

Но не исчез.

Смысл изменился.

Теперь он говорил не о мудрости Фирковича.

О том, как поздняя память умеет вкладывать в нужного человека подходящие слова.

Набоков записал:

Фраза известна по поздней семейной традиции. Авторство не установлено.

Анна посмотрела.

— Вы убили её.

— Нет.

— Вы лишили её Фирковича.

— Это не одно.

Она помолчала.

— Уже начинаю понимать.

До Крыма спорили ещё дважды.

Первый раз — о том, может ли правовой статус людей опираться на древность.

Второй — должен ли учёный учитывать последствия собственного вывода.

Первый разговор начался из-за Новицкого.

Он смотрел на схему железнодорожной линии.

Потом сказал:

— Допустим, завтра Гаркави докажет, что половина камней поздняя.

Что тогда?

Гаркави поднял глаза.

— Я не собираюсь доказывать половину.

— Хорошо.

Три камня.

— И?

— Государство скажет: значит, древность общины выдумана?

Анна ответила первой:

— Может сказать.

Набоков возразил:

— Только если государство очень хочет плохой судебный спор.

— Государство иногда хочет вещи хуже.

Новицкий кивнул.

— Подтверждаю.

Гаркави сказал:

— Один спорный камень ничего не решает о происхождении народа.

— Учёному это ясно.

— А чиновнику?

Анна посмотрела на Набокова.

Он понял, что вопрос ему.

— Чиновнику тоже должно быть ясно.

— «Должно» — опасное слово, — сказала она.

Соломон поднял палец.

— Запомните. Это пригодится.

Набоков не понял почему.

Пока.

Анна продолжила:

— Если вывод разрушит жизнь людей, учёный не может делать вид, что его это не касается.

Гаркави ответил:

— Может.

Она удивилась.

— Простите?

— Может учитывать последствия.

Но не должен позволять им менять наблюдение.

— Это другое.

— Именно.

— Значит, вы опубликуете всё, даже если знаете, что чиновник возьмёт первое слово и забудет остальные?

— Если установлю — да.

— И всё?

Гаркави посмотрел спокойно.

— Я обязан быть точным именно потому, что последствия есть.

— Точность формулировки не защищает человека от чиновника, который прочтёт только первое слово.

— Тогда проблема в чиновнике.

— Для человека разница небольшая.

Новицкий сказал:

— Вот наконец разговор о государстве.

Набоков спросил:

— Чья сторона?

Полковник посмотрел в окно.

— Сегодня никакая.

— А завтра?

— По обстоятельствам.

Все усмехнулись.

Никто не заметил, насколько точным был ответ.

На юг воздух менялся раньше пейзажа.

Свет становился жёстче.

Станции — ниже.

Люди на платформах говорили быстрее и громче.

В вагонах появлялись дорожные корзины с виноградом, арбузами, лепёшками, пахло шерстью, табаком, фруктами.

После Петербурга казалось, что сама дорога постепенно снимает мундир.

Набоков работал.

Анна читала.

Иногда он ловил себя на том, что не переворачивает страницу, потому что смотрит на её отражение в стекле.

Тогда начинал читать быстрее.

Это не помогало.

На второй день Новицкий заметил.

Не сказал.

Это настораживало сильнее шутки.

Гаркави большую часть пути разбирал старые копии надписей.

Штрак проверял списки Второго собрания.

Они спорили тихо, но непрерывно.

— Здесь номер не совпадает.

— Потому что опись поздняя.

— Или потому что предмет другой.

— Именно поэтому нельзя сливать.

— Я и не сливаю.

— Голосом сливаете.

— Что значит «голосом»?

— Вы уже решили.

Штрак посмотрел на Набокова.

— С ним невозможно.

— Полезное качество, — сказал Набоков.

Гаркави удовлетворённо вернулся к бумагам.

На станцию Бахчисарай прибыли после середины сентября.

Набоков первым делом отметил дату.

Новицкий увидел.

— Что?

— Ничего.

— Вы записали дату прибытия.

— Да.

— Почему?

— Через двадцать лет кто-нибудь напишет, что мы приехали поездом тогда, когда железная дорога сюда ещё не дошла.

Полковник рассмеялся.

— Вы испорчены делом.

— Уже.

Набоков посмотрел на станцию.

Всё вокруг ещё выглядело новым и временным одновременно.

Железнодорожная линия принесла сюда Петербург быстрее, чем Петербург успел понять, куда пришёл.

Солдаты.
Купцы.
Татары.
Русские чиновники.
Возчики.
Товары.
Разговоры на нескольких языках.
Пыль.
Запах лошадей.
Уголь.
Чай.
Чужие лица.

В одном месте империя становилась особенно честной: никто не был похож на карту.

Гаркави почти сразу исчез в разговоре с человеком, которого знал по переписке.

Штрак вступил в спор о багаже.

Соломон искал экипажи.

Анна стояла среди суеты спокойно, будто вокруг был не вокзал, а комната, где слишком много родственников.

Набоков подошёл.

— Вы здесь были?

— Ребёнком.

— Помните?

Она посмотрела в сторону города.

— Некоторые вещи.

— Какие?

— Ветер.

— Не дворец?

— Нет.

— Не ханские фонтаны?

— Нет.

— Удобная память.

— Честная.

Он хотел спросить ещё.

Не успел.

Новицкий появился слишком быстро.

— Наш котелок тоже в Крыму.

Набоков сразу повернулся.

— Видели?

— Нет.

— Тогда?

— Телеграмма.

— Какая?

Новицкий достал лист.

Не саму телеграмму.

Запись содержания.

— Местному посреднику пришёл запрос: когда группа из Петербурга выедет к Чуфут-Кале.

— От кого?

— Имя не установлено.

— Из Петербурга?
— Передача шла через несколько пунктов.
Надо проверять.
— Адресат?
— Человек, который организует лошадей и проводников.
— Почему сказал вам?
— Потому что я спросил.
— Вы показали удостоверение?
— Сначала деньги.
Потом удостоверение.
— Очень государственно.
— Эффективно.
Гаркави подошёл на последних словах.
— Англичанин? — спросил Набоков.
Новицкий ответил:
— Пока человек.
Гаркави одобрительно кивнул.
— Вы учитесь.
— Ненавижу.
— Полезно.
Набоков взял запись.
— Запрос мог быть коммерческим.
— Да.
— От наследников.
— Да.
— От людей, которые знают о нашей научной поездке.
— Да.
— От человека с вокзала.
— Тоже да.
— Значит, пока ничего.
Новицкий усмехнулся.
— Хорошо.
— Что?
— Раньше вы бы уже отправили двух человек искать котелок.
— Отправлю одного.
— Так лучше.

Подъём к Чуфут-Кале оказался хуже, чем рассказывал Соломон.
— Вы говорили «прогулка».
— Для девятилетней Анны.
— Почему для меня иначе?
— Вы взрослый.
— Это наказание?
— В основном.
Дорога шла вверх.
Камень.
Пыль.
Склон.

Лошади быстро стали казаться умнее всадников.
Набоков понял, почему древние крепости любят строить там, куда следователь не хочет идти.

Новицкий шёл легче.

— Кавказ, — объяснил.

— Это уже второй раз, когда вы оправдываете Кавказом всё.

— Работает.

Гаркави тяжело дышал, но упрямо не отставал.

Штрак ругался по-немецки.

Соломон делал вид, что ему легко.

Анна шла впереди.

Несколько раз останавливалась.

Не ради себя.

Ждала остальных.

Набоков впервые видел её не в салоне, не в доме, не за столом с семейными бумагами.

Ветер выбил прядь волос.

Она смеялась над Соломоном.

Потом помогла Гаркави подняться через неудобный участок.

Это тоже оказалось уликой.

Только не для дела.

Он отвёл взгляд.

Новицкий шёл рядом.

Ничего не сказал.

По-прежнему.

Набоков начал подозревать жестокость.

Город возник не сразу.

Сначала каменная линия.

Потом ворота.

Потом пустота, разделённая стенами.

Кырк-Ер.

Чуфут-Кале.

Несколько имён на одном месте.

Несколько историй в каждом.

Соломон остановился у стены.

— Здесь Анна впервые узнала, что «сорок» может означать всё, что угодно.

— Я узнала, что ты выдумщик.

— Это позже.

Набоков спросил:

— Версии?

Соломон перечислил.

Сорок воинов.

Сорок родов.

Сорок укреплений.

Старое название, смысл которого позднее начали объяснять заново.

— Какая верная?

— Авраам Яковлевич?

Гаркави посмотрел на стены.

— Не знаю.
Анна рассмеялась.
— Теперь это уже официальный язык экспедиции.
Штрак сказал:
— Можно напечатать на бланках.
Соломон повёл их дальше.
— Есть ещё история, что город не любит, когда его называют мёртвым.
Новицкий посмотрел на пустые окна.
— Кто жалуется?
— Ветер.
— Опять?
— Он здесь самый старый житель.
Они прошли между домами.
Набоков заметил, что звук шагов меняется от улицы к улице.
Где-то камень возвращал эхо.
Где-то поглощал.
В одном узком проходе голос Новицкого пришёл назад с задержкой.
Полковник остановился.
— Кто сказал?
Соломон улыбнулся.
— Город.
Гаркави посмотрел на стену.
— Каменная ниша.
Звук отражается.
Соломон развёл руками.
— Вы убили легенду.
— Объяснил один звук.
— Именно.
Анна посмотрела на Набокова.
— Видите? Это заразно.

Дом Фирковича стоял тише остальных.
Смотритель открыл дверь.
Запах пыли.
Сухого дерева.
Старой бумаги.
Кожи.
Чего-то аптечного, давно выветрившегося.
Гаркави изменился.
В библиотеке он был хозяином пространства.
Здесь — гостем.
И это делало его осторожнее.
— Ничего не двигать без описания.
Новицкий посмотрел на стул.
— Даже его?
— Особенно, если под ним рукопись.
— Часто?
— С Фирковичем я перестал бы удивляться после третьего ящика.

Набоков достал постановление.
Смотритель подписал присутствие.
Представитель наследников подтвердил разрешение на осмотр.
Штрак сверил комнаты с предыдущей описью.
И только после этого начали.
Набокову понравилось.
Мёртвый человек уже не мог возразить.
Поэтому право живых надо было соблюдать особенно точно.

Первая комната дала почти ничего.
Книги.
Письма.
Часть уже известна.
Несколько дорожных тетрадей.
Набоков хотел сразу открыть.
Гаркави остановил:
— Сначала положение.
— Почему?
— Потому что через месяц будем спорить, лежала ли эта тетрадь рядом с Кавказом или Палестиной.
— И это важно?
— Может стать.
Новицкий сказал:
— Начинаю ненавидеть слово «рядом».
— Поздно.
Вторая комната была рабочей.
Полки.
Стол.
Чернильницы.
Связки бумаг.
На стене след, где когда-то висела рама.
Штрак медленно сверял опись.
Вдруг остановился.
— Здесь должен быть ящик.
Набоков поднял голову.
— Какой?
— Тёмный.
Небольшой.
В описи после смерти.
— Содержимое?
— «Личные письма и бумаги».
Новицкий подошёл.
— Кто составлял?
Штрак назвал.
— Надёжен?
— Насколько может быть надёжен человек, который описывает чужой дом после смерти хозяина.
— То есть?

— Номер есть.
Размер есть.
Место есть.
Подробной описи содержимого нет.
Смотритель подошёл.
— Ящика не помню.
Соломон сказал:
— Был.
Все повернулись.
Набоков спросил:
— Когда видели?
— До смерти Фирковича.
— Насколько задолго?
— Несколько лет.
— Здесь?
— На этой полке.
— Уверены?
Соломон посмотрел на полку.
— Нет.
— Но сказали «был».
— Потому что помню тёмный ящик примерно здесь.
Могу ошибаться на одну полку.
— Что внутри?
— Не знаю.
— Открывали?
— Нет.
— Кто имел доступ?
Соломон усмехнулся.
— Полгорода, если верить тому, как Авраам Семёнович жил.
Набоков нахмурился.
— Это не ответ.
— Поэтому хороший.
Штрак проверил ещё раз.
Ящика не было.
Первая реальная пропажа.
Но неизвестно, когда.
Неизвестно, кем.
И неизвестно, была ли важна.
Набоков записал именно так.

На нижней полке нашлась театральная программа.
Сложенная.
Петербург.
Балет.
Дата.
Список исполнителей.
Имя:
Любовь Суворова.

Соломон изменился.

Совсем немного.

Но после двух дней разговоров Набоков уже видел его маленькие движения.

— Знаете?

— Имя.

— Откуда?

— Семейные разговоры.

— Какие?

— Старые.

— Связь с Фирковичем?

Соломон молчал.

Анна повернулась.

— Дядя?

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что не уверен.

Набоков взял программу через тонкую ткань.

— Что помните?

Соломон нахмурился.

— Фразу.

— Какую?

— «Если бы не Любочка...»

— Что дальше?

— Не помню.

— Кто сказал?

— Тоже не помню.

— Бобович?

— Может быть.

— Фиркович?

— Может быть.

Гаркави тихо сказал:

— Наконец кто-то использует слово добровольно.

Соломон не улыбнулся.

— Это было в семье. Очень давно.

— Хорошая история? — спросил Набоков.

Соломон посмотрел.

— Не знаю.

— Плохая?

— Не знаю.

— Значит, важная.

— Это уже ваша версия.

Программа перестала быть мусором.

Но ещё не стала уликой.

Она открыла дверь в личное пространство Фирковича, которого в деле до сих пор почти не существовало.

Набоков записал имя.

Ничего больше.

За шкафом обнаружили первые следы движения.
Не сразу.
Гаркави заметил полоску пыли.
Она была слишком ровной.
— Стойте.
Набоков подошёл.
Шкаф стоял у стены.
Тяжёлый.
Смотритель сказал:
— Всегда здесь.
Гаркави присел.
— Нет.
— Что?
— Смотрите.
У ножки была старая пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.